

Н. Деметер, Н. Бессонов, В. Кутенков. История цыган – новый взгляд.
Воронеж: ИПФ “Воронеж”, 2000. 334 с., ил.

Происходящие в Европе с конца 1980-х годов политические перемены стали стимулом своеобразной революции. Изменились принципы экономической деятельности, контактов с миром, возможности путешествий. Произошло значительное оживление этнического характера. Усилились национальные антагонизмы. Неоднократно, особенно в Восточной и Центральной Европе, происходили погромы – прежде всего в отношении цыганского населения. Правда, больше всего жертв принесли войны на Балканах (после распада Югославии) и на Кавказе, но и вся Восточная и Центральная Европа в большей или меньшей степени была раздираема этническими конфликтами.

Последнее десятилетие XX в. принесло также ярко выраженный в академических кругах рост интереса к этническим конфликтам и проблемам. Это очевидное следствие этнического оживления и усиления антагонизмов. То же происходит и в Западной Европе и Америке, где появились многочисленные группы беженцев – жертв конфликтов в Восточной и Южной Европе. Интерес ученых вытекает не только из интереса к причинам явления, но также из необходимости поиска средств к сосуществованию и методов предупреждения как погромов, этнических конфликтов и роста национализма, так и предупреждения наплыва беженцев, ибо это явление в свою очередь ведет к напряжениям на этнической почве в странах, которые приняли беженцев или же были целью нелегальной иммиграции.

Цыгане часто бывали целью агрессии. Но интерес исследователей к этой группе обусловлен также переменами, которые происходят в среде самих цыган Восточной Европы со времен их административного, вынужденного перехода на оседлость в 1960-е годы. Обязательное образование, которое распространялось на цыганских детей, привело к созданию слоя цыганской интеллигенции. Собственно, эти просвещенные цыгане в немалой степени повлияли на появление интереса к цыганам у международных организаций и политиков, и при их помощи предпринимаются попытки повышения статуса цыган, изменения условий их жизни в разных странах и отношения к ним.

Один из результатов роста такого интереса – появление разного рода исследовательских работ и значительное увеличение количества публикаций, касающихся этой общности. Кроме Франции, Германии, Великобритании – стран, в которых появилось, пожалуй, наибольшее в Западной Европе число работ о цыганах, много книг и еще больше статей было опубликовано в Болгарии, Чехии, Словакии, Венгрии, и даже в Польше (хотя цыганское население в Польше сравнительно невелико). Хуже всего эта проблема представлена в странах бывшего СССР, особенно в Украине и России, хотя там живет большое количество цыган. С тем большим вниманием и интересом я приступил к чтению книги Н. Деметер, Н. Бессонова и В. Кутенкова: подзаголовок книги обещал “новый взгляд”, а книга была издана Институтом этнологии и антропологии Российской академии наук, научным учреждением со значительными заслугами в развитии этнографии как науки, которое – как я полагал – является гарантией качества и научного мастерства авторов и научного уровня книги. Увы, по мере чтения книга быстро разочаровывает. “История цыган” не является хорошей работой – количество погрешностей и очевидных ошибок, обусловленных незнанием, а также фундаментальные недостатки в научном мастерстве в значительной степени сводят на нет намерения авторов. То, что авторы провозгласили как “новый взгляд”, в немалой степени оказывается повторением старых ошибок и мнений; этот “взгляд” является не результатом новых источниковедческих знаний, а порождением произвольных, субъективных рассуждений и фантазий авторов.

Обсуждение этой работы начну с замечания, что не ясен замысел, который определил структуру работы. Есть важные для истории цыган проблемы, слегка обозначенные или вообще не упомянутые. В то же время другим, достаточно узким и специализированным проблемам авторы уделяют излишне много внимания и места. Поэтому не ясна внутренняя логика конструкции работы, создается впечатление, что авторы больше внимания уделяли тем темам, которые им ближе, а там, где их знания скромны, они не особенно старались их расширить, попросту ограничиваясь упоминанием некоторых проблем. С этим можно было бы согласиться в сборнике статей, но это недопустимо в работе, которая запланирована как единое произведение.

Авторы уделили немало внимания истории цыган – как древней, когда их предки выходили из Индии, так и более новой, уже европейской. Несмотря на то, что среди авторов есть исто-

рик, история не является сильной стороной этой работы так же, как и этнология, хотя книга, напомним, вышла под грифом Института этнологии и антропологии.

Авторы подчеркивают – и совершенно справедливо – что было бы ошибкой ограничить поиск корней многих элементов цыганской культуры только Индией, потому что эти элементы были заимствованы в Византии или даже на территории Европы вне Балкан. Но тут же они высказывают мнения, свидетельствующие об ограниченных знаниях в области индологии. Похоже, что они не разграничивают понятий *варна* и *джати*, или цвет (в смысле социального класса) и *каста*, если они пишут о касте брахманов (с. 115 и сл., с. 122–123). Не познакомились авторы в деталях также и с характеристиками, определяющими кастовую принадлежность, поскольку они осмелились написать, что структура цыганской семьи или табора – это структура касты (с. 69).

Достаточно заглянуть в один из классических трактатов – *Manuśmṛti*, чтобы понять, что это суждение абсолютно ложно. Если бы оно соответствовало истине, то невозможны были бы браки между кэлдэрарами и ловарами или русска рома и другими группами, невозможны были бы общие беседы – это если ограничиться наиболее фундаментальными вопросами. Ломка, нарушение нормы вели бы к исключению из общности, а статус детей в таких смешанных браках был бы статусом внекастовым, статусом людей, изгнанных из общности, нечистых – а у цыган нет такого положения вещей.

Авторы неоднократно подчеркивают новаторство своей работы, приводят формулировки о новых, собственных теориях, которые должны прояснить различные темные места древней истории цыган. Неизвестно, на чем основаны эти новаторские рассуждения. Знания о древней истории, об индийских корнях и об индийской колыбели цыган чрезвычайно бедны. Только новые историкоэтнографические открытия могут углубить наши знания; авторы же собственных открытий в этой области (да и в других исторических вопросах) не имеют. Их тезисы голословны, попытки объяснений надуманы (напр., объяснение причин кочевого образа жизни, с. 12 и 13). Некоторые положения содержательно пусты. Что означают утверждения, что выходцами из Индии были люди с авантюристической психологией (с. 18), или что в цыганском обычном праве содержится индийский субстрат (с. 77)?

Социальная структура Индии оказалась, по мнению авторов, влияние на цыганскую психику; деление мира на ромов и неромов, по их мнению, является основой кастовой системы, сохранявшейся поколениями цыган (с. 79). Это утверждение вызывает сомнения относительно компетенции авторов в области этнологической науки. Ведь такой же принцип устройства мира известен очень многим культурам, не имеющим ничего общего с цыганами (напр., африканским или американским племенным общностям и даже традиционным европейским обществам). Многие элементы культуры различных цыганских групп авторы представляют как свидетельства их индийского наследия: напр., ношение украшений, хождение босиком или ношение детей на спине (с. 245, 248). По этому поводу можно было бы полемизировать, если бы авторы каким-либо образом аргументировали свое мнение, но их суждения голословны. Добавлю еще – ошибочны. Достаточно заглянуть в даже не слишком специализированную этнологическую литературу, чтобы убедиться, что те же черты мы найдем у очень многих туземных народов как кочевых, так и земледельческих, и это не является ни влиянием Индии, ни цыганских мигрантов.

Удивляет метод презентации истории цыган на территории Европы. Свои знания авторы в значительной мере основывают на работах XIX в., и то даже не научных, а популярных, а также на газетных публикациях. Полемика с этими суждениями (чем авторы часто занимаются), по моему мнению, пустая трата времени. Нетрудно с позиций современной науки подвергать сомнению гипотезы авторов того времени или подчеркивать наивность их суждений. Углубление знаний о цыганах происходит прежде всего благодаря изысканиям в архивах, выявлению новых источников исторического знания, или же в результате этнологических полевых исследований, лингвистических исследований и т.д. Если в разделах, представляющих собой попытки описания цыганской культуры, авторы ссылаются на собственные полевые материалы, то исторические знания они черпают из старых, часто архаических публикаций. При этом они не сочли нужным верифицировать суждения, высказанные теми, на кого они ссылаются. Видна также обыкновенная небрежность. Как по-другому можно объяснить такое количество ошибок, причем в исторической части?

К 1386 г. относится известие о цыганах на Крите, утверждают авторы (с. 15), ссылаясь на работу Марушиаковой и Попова. Но цитируемые авторы говорят не о Крите, а об о-ве Корфу¹. В 1362 г. в Дубровнике цыгане производили (по мнению Деметер, Бессонова и Кутенкова) кожаные пояса. В этом месте они снова ссылаются на Марушиакову и Попова и повторя-

ют ошибку, сделанную этой парой авторов. Достаточно было бы заглянуть в работы историков из бывшей Югославии, непосредственно анализирующих архивные материалы, а не повторяющих чужие сведения, чтобы убедиться, что речь идет не о производстве кожаных поясов, а о серебряном поясе, оставленном в залог ювелиру двумя цыганами-ремесленниками из Дубровника (см. Муйич, с. 147, Вуканович, с. 23)².

Презентация истории цыган в Европе показывает, что авторы не придают большого значения фактам, а в значительно большей степени опираются на какое-то собственное, не понятное для читателя, видение. Рассуждения о прибытии цыган на Британские острова не подкреплены источниками. Авторы не ссылаются на недавно изданную работу А. Фрейзера³, который обнаружил, что правдоподобное известие относится лишь к 1505 г.; они ссылаются на работу, изданную на полвека раньше и вызывающую различного рода сомнения. Наибольшее удивление вызывает информация, касающаяся прибытия цыган в Польшу. На с. 24 помещена таблица, из которой мы узнаем, что в Польшу цыгане прибыли в 1501 г., а в 1588 г. был издан первый правовой акт, направленный против них. Чуть дальше (с. 28) авторы вновь утверждают, что в Польше цыгане появились в 1501 г. и что это подтверждает документ, выданный королем Ягелло (Йогайло), и снова ссылаются на работу Марушиаковой и Попова. Марушиакова и Попов – выдающиеся цыганологи, но они специалисты прежде всего в области этнографии и современных проблем, и то на Балканах. Почему сведения об истории цыган в Польше авторы искали в работе, касающейся Болгарии, понять трудно, тем более что они неоднократно ссылаются в других местах на книгу польского исследователя Е. Фицовского. Фицовский же говорит, что в Польше цыгане появились в 1419 г., дата первого антицыганского закона также иная. Его утвердили и опубликовали в 1557 г., и Фицовский ясно об этом говорит⁴. Более новые исследования даты появления цыган в Польше относят даже к 1401 г.⁵ Авторы рассматриваемой работы могли этого еще не знать. Невозможно ответить, однако, на вопрос, почему по поводу прибытия цыган в Польшу они поверили Марушиаковой и Попову, а не Фицовскому. Добавлю, что король Ягелло, которого авторы упомянули как выдавшего документ в 1501 г., умер на 69 лет раньше (в 1432 г.). Я не могу себе объяснить, почему они не проверили сообщаемые ими сведения хотя бы в энциклопедии и почему они пренебрегли компетенцией Фицовского, несмотря на то, что неоднократно ссылаются на этого исследователя.

Рассуждения на тему истории выявляют две принципиальные черты работы. Первая – это незнание фактов и неточное или выборочное их цитирование, без проверки (верификации), вторая – ограниченное знание литературы о предмете. Существует много современных публикаций, в том числе книжных, подготовленных профессиональными исследователями (среди прочих Д. Кроув, А. Фрейзер, Б. Геремек, Э. Хорватова, Б. Леблон, Ж.П. Льежуа, Х. Моде, Л. Мруз, М.А. Муйич, А. Петрович, Ф. де Во де Фолетье, Й. Векерди, Т. Вуканович), еще больше статей опубликовано в различных научных периодических изданиях, в том числе выходящих в Центральной и Восточной Европе. Авторы же “Истории цыган” вообще не ссылаются на эти тексты, демонстрируя ограниченное знание современного состояния науки о цыганах. Утверждение, что никто до сего времени не рассматривал историю цыган в таком широком контексте (с. 20), происходит просто от незнания литературы. Трудно представить себе историка, который не видит разницы между компилированием сведений, случайно собранных другими, часто стародавними авторами, и систематическими исследованиями архивов и тщательным анализом публикаций. Лучше бы авторы провели источниковедческие исследования в архивах и библиотеках, потому что только этим путем можно углубить знания об истории цыган, и только тогда можно будет говорить о “новом взгляде”.

Можно было бы указать и на другие ошибки, обнаруженные в “Истории цыган”, но это заняло бы слишком много времени. Позволю себе обратить внимание на метод научного подхода авторов, на отсутствие научной добросовестности и на невысокий уровень компетенции, а отдельные примеры являются только иллюстрацией того, о чем я говорю.

Обращу внимание на еще одну заметную черту авторов – на их “советский” образ мышления. Конечно, метод оценки действительности и фактов, который внушался десятилетиями, непросто изменить. Я, однако, не предполагал, что его можно представлять без всяких рефлексий, как это сделано в публикации, изданной под грифом Института этнологии и антропологии РАН. В течение многих лет жителям “стран народной демократии” внушалось: все, что делает Советский Союз, является результатом заботы о людях. Внушалось, что подавление венгерского восстания в 1956 г., подавление чехословацкой попытки пойти собственным путем в 1968 г., агрессия в Афганистане преследовали цель сделать счастливыми жителей этих стран. В учебниках истории, по которым учили в школах Польши, Венгрии и других стран-сателлитов, СССР и царская Россия представлялись таким образом, чтобы вызвать по-

ложительные эмоции “любви” ко всему русскому и советскому. Это вызывало обратный эффект, как часто бывает со слишком примитивной пропагандой. После 1956 г. идеологическое давление на содержание школьных учебников несколько уменьшилось, но не прекратилось. Так было в странах, которые не входили в состав Советского Союза. А в том, какова разница в видении собственной истории сегодня в Литве или на Украине в сравнении с той историей, которую преподавали там еще несколько лет тому назад, достаточно убедиться, сравнив прежние и современные работы.

Если кто-либо из авторов “Истории цыган” является владельцем дома и участка земли, а его сосед – только потому, что он сильнее – отнимет у него этот участок или заберет что-либо из дома, считая его своей “сферой интересов”, то скорее всего тот, у которого отобрали часть его имущества, посчитает это не “присоединением”, а захватом и грабежом. Но захват земель Украины, Крыма, Молдавии, Польши и прибалтийских стран авторы определяют как “присоединение” (с. 186, 191 и др.).

Дело однако не ограничивается исключительно интерпретацией, это проблема принципиальной добросовестности. Авторы пишут о репрессивном праве и преследованиях цыган в Польше и премировании тех, кто их ловил. Эти сведения, по утверждению авторов, относятся к 1849 г. (т.е. к периоду, когда Польша как государство уже не существовала). Ситуация для цыган изменилась якобы только после 1863 г., когда российский император “изменил” автономии Царства Польского (с. 37). Авторы не составили себе труда проверить свои знания, иначе они узнали бы, что в 1840 г. царь отменил отдельное уголовное право на присоединенных литовских землях, в 1847 г. – на польских землях, и с этого времени там действовало российское право. А то, что они эвфемистически определяют как “изменение” автономии, было ее ликвидацией. Цыгане в Польше неоднократно становились жертвами репрессий, несправедливости и преследований, и я сам об этом писал, приводя сведения из источников. Обращая внимание на незнание фактов, я делаю это не потому, что упомянутые высказывания касаются Польши, а потому, что авторы не сумели сохранить научной добросовестности и объективизма.

Царь строил театры и университеты, в такой атмосфере не могло быть национальных преследований, утверждают авторы (на с. 186). Не знаю, наивность это или незнание, потому что именно в это время литовцам запретили печатать книги на латинице, детей в Польше наказывали за разговор по-польски в школе, имели место еврейские погромы, нередко были преследования на религиозной почве. Так хорошо, как в России, не было – по мнению авторов – на Западе, где цыган преследовали, а в Соединенных Штатах расизм начал уменьшаться только в недавние времена (с. 186). Понимаю, что можно быть патриотом, любить свою страну, но в работе, изданной в рамках Академии наук, эта разновидность некритического этноцентризма удивляет. Или авторы не знали об этнических и религиозных преследованиях в России, а затем и в СССР, не слышали о депортациях народов, о скрывании своей национальной принадлежности евреями, поляками, украинцами и другими только потому, что так было безопасней? Не считают ли авторы, что если национальная политика была бы такой замечательной, не было бы конфликтов на этнической почве после распада СССР, не эмигрировало бы так много евреев и немцев (что нельзя объяснить только экономическими причинами), что русские не испытывали бы так часто неприязнь и в бывших советских республиках, а сегодня независимых государствах, и на территории самой Российской Федерации там, где многочисленно коренное, нерусское население?

Оценка современной ситуации может быть различной, существуют спорные вопросы – например, когда авторы утверждают, что после политических перемен 1990-х годов положение цыган нигде не улучшилось, а иногда и ухудшилось. По моему мнению, это неправда, хотя сегодня больше, чем когда-либо раньше, говорится на эту тему. Конечно, авторы могут иметь свое видение этой проблемы, хотя жаль, что они не объясняют, на основании каких данных это происходит. Они высказывают по поводу современного положения вещей мнения не только спорные, но прямо абсурдные, например, когда утверждают, что положение цыган после распада Чехословакии и их дискриминация напоминают положение русских в прибалтийских странах (с. 234). Я не приветствую отношение к русским в этих странах. Однако значительная часть русских прибыла туда во времена подчиненного положения этих стран и их аннексии, и местным населением эти русские часто воспринимаются как агрессоры. При этом авторы не хотят ведь убедить нас, что во времена СССР положение русских не было более привилегированным, чем положение нерусских. Цыгане никогда не выступали – к счастью – ни в одной из этих ролей. Такого рода рассуждения, какие во многих случаях исторического

анализа демонстрируют авторы, не только не являются “новым взглядом”; это неновый и ненаучный метод восприятия и интерпретации истории.

Ошибок из области истории много, и они касаются не только интерпретации, но и фактографии, и не только стран, соседствующих с Россией, но также Балкан и других частей Европы. Они касаются и общих вопросов (например, когда авторы ошибочно утверждают, что сопроводительные документы, полученные в одной стране, не действовали в других странах, и поэтому цыгане постоянно нуждались в новых документах – с. 20). Написав это, авторы показали, как мало они знают об истории Европы, об образе мыслей людей позднего Средневековья, Ренессанса и более поздних исторических периодов. Ошибочно также утверждение, что оружие, которое носили цыгане (что видно на картинах Ж. Калло), было признаком репрессий, свидетельством того, что цыгане защищались от преследований (с. 276). Все это надо интерпретировать по-другому. Это признак статуса, на который претендовали цыгане, признак того, что к ним относились как к людям, которые имеют право носить оружие. Крестьянское население, бродяги этим правом не обладали, и общество XVI–XVIII вв. строго соблюдало эти внешние признаки престижа. Авторам стоило бы, пусть бегло, познакомиться с работами Ж. Ле Гоффа, Й. Хейзинги или хотя бы А. Гуревича.

Ошибки встречаются даже при анализе истории Второй мировой войны; может быть, не столько ошибки, сколько обыкновенная небрежность и невнимательность к фактам. Например, авторы пишут, что уничтожение цыган в лагерях началось весной 1943 г. (с. 215), но если заглянуть в работы, на которые они ссылаются, то мы констатируем, что это имело место на несколько месяцев раньше. Чем это объяснить – упущением, небрежностью или отсутствием научной добросовестности?

У авторов также имеются проблемы с географией. Анализируя цыганский музыкальный фольклор, они утверждают, что танцы *чардаш* и *вербункош* сформировались на Балканах (с. 158). Но Венгрия – это не Балканы; это нетрудно проверить в обыкновенной школьной энциклопедии или в географическом атласе.

Несравненно старательней представлены те разделы, которые касаются этнографии и различных аспектов цыганской культуры, а также влияния цыган на нецыганскую культуру. Разделы, посвященные музыкальному фольклору и цыганским хорам, непропорционально велики и излишне детализированы. Тем не менее и здесь авторы обнаруживают недостатки в знании литературы. Я понимаю восхищение Пушкиным, но убежденность в том, что Пушкин был тем, кто инспирировал и принципиально повлиял на возникновение и распространение романтического мифа о цыганах (с. 65), является свидетельством отсутствия знаний из области европейской литературы. Жалко, что авторы не познакомились хотя бы с работой М.-Ф. Руар⁶, посвященной образу цыган в литературе романтизма; они убедились бы, что генезис этого мифологизированного образа цыган намного старше, а Пушкин был одним из многих, кто в своих произведениях этот миф распространял и представлял.

Классификация цыганских групп является для исследователей темой, причиняющей много хлопот. Никто не сумел – не знаю, возможно ли это вообще – создать в меру логичную и стройную классификационную систему. Пытаются справиться с этим и авторы рассматриваемой работы, но с их идеями в этой области нельзя согласиться. Профессиональная специализация является, по их мнению, основой организации групп, разделения на цыган и нецыган и дистанции между этими мирами (напр., с. 106 и 123 и др.). Это рассуждение удивляет, и его легко опровергнуть. Торговля лошадьми – это профессия, которой занималось много цыган в Польше (и в других странах), но она была также занятием профессиональных торговцев-нецыган. В довершение всего цыгане и нецыгане нередко сотрудничали. Таким образом, профессия не является основанием для дистанции между своими и чужими, между цыганами и нецыганами. О цыганах, занимающихся дрессировкой медведей, авторы говорят как об одной группе – *урсари* (с. 106). Действительно ли они ничего не знают о Сморгонской академии – школе дрессировки медведей в г. Сморгонь в Белоруссии, где учили и подготавливали медведей, с которыми позже цыгане ходили по разным странам, и не видят разницы между цыганскими-медвежатниками из Литвы, Белоруссии и Польши и цыганскими-медвежатниками из Болгарии и других балканских стран (их отличает друг от друга язык, обычаи, самоидентификация). Обращает на себя внимание применение в отношении прошлого, временами весьма далекого, современных определений и этнонимов. Старинные архивные документы не позволяют нам утверждать, что именно с этими группами цыган мы имеем дело в XV или XVII в. Летописцам того времени, как, впрочем, и ученым гораздо более позднего периода достаточно было факта, что речь идет о цыганах. Известно также, что цыгане перемещались, во всяком случае,

значительная их часть. Так, из факта, что часть украинских цыган сегодня определяет себя как *сэрвы*, нельзя сделать вывод, что и в XVII в. цыгане на Украине так себя называли.

Не лучшими оказываются знания авторов и в языкознании. Название группы крестецево-ни происходит, по мнению авторов, от цыганского слова *крестецево* – огурец (с. 84), а маймунари – от цыганского слова, означающего обезьяну (с. 106). Жалко, что авторы не заглянули в сербский словарь; тогда бы они узнали, что “огурец” по-сербски – *крставац*, а “обезьяна” – *мајмуна*; эти слова, заимствованные цыганским языком, являются важным указателем миграций, но не объясняют, почему группа присвоила себе название по огурцу.

Много внимания авторы уделили цыганскому костюму. Но их классификация цыганских костюмов фантастична, и ее нетрудно опровергнуть. Уже только сравнение иллюстраций (с. 27, 43, 74, 78, 140, 276) опровергает утверждение авторов по поводу ношения цыганами костюмов, якобы происходящих из Византии. То, что они считают византийскими костюмами, часто является просто разновидностью одежды некоторых, обычно богатых социальных слоев. Даже не особенно тщательное изучение истории одежды и моды позволило бы авторам избежать столь скоропалительных и неаргументированных утверждений.

Удивителен метод использования иллюстраций. В антропологии давно существует течение, для которого изображение является существенным источником анализа и выводов (*visual anthropology*). Не надо даже ссылаться на это научное течение, чтобы констатировать, что для многих областей гуманитарной науки анализ гравюр, картин, рисунков, орнаментов, фотографий является важным источником знаний, содержит много информации. Авторы анализируемой работы отнеслись к этому роду источников попросту как к “картинкам”, подобранным более или менее случайно, которые иногда опровергают положения, высказанные словами. То же самое относится к цветным иллюстрациям. Цыгане, какими их показывают театр и кино, не существовали, утверждают авторы (с. 114), и я с этим абсолютно согласен. Но если авторы считают так, а идеей их публикации является развенчание мифов (о чем они говорят во вступлении), то почему без каких-либо комментариев они помещают фотографию Н. Сличенко и фрагменты спектакля театра “Ромэн”, т.е. именно “не существующих” цыган. Картины Н. Бессонова, возможно, являются выдающимися произведениями искусства – я не специалист в этой области, поэтому мне трудно их оценить – но они также далеки от действительности и провозглашенной идеи книги. Его цыгане улыбаются и танцуют, все цветасты и чисты – даже идущие босиком женщины хорошо откормлены, а на их одеждах нет ни одного пятна или дырки. Право, как в американских рекламах зубной пасты или средств против импотенции, или в фильмах, показывающих всегда элегантных ковбоев и сопровождающих их дам. Эти картины – иллюстрация нереалистического, мифологизированного образа цыган. Поражает также внутренняя сторона суперобложки – там изображены колесо от кибитки, с оси которого свисает монисто, на земле лежат скрипка, трубка и колода карт. Именно так представляет цыган стереотипное, романтическое видение. Но какое отношение это имеет к провозглашенному авторами развенчанию мифов?

Добавлю, что, к сожалению, не всегда имеется информация о том, откуда почерпнут иллюстративный материал, которым пользуются авторы. По крайней мере в некоторых случаях это делается без согласия издателя оригинальных работ (с нарушением авторского права).

Удивляет также то, в каком виде представлены ссылки. Работы, издаваемые научными учреждениями, даже предназначенные для широкого круга читателей и имеющие популяризаторский характер (а к таким я отношу рецензируемую книгу), должны иметь ссылки и список литературы, подготовленные по стандартной схеме. Главное – они не должны содержать ошибок. Недопустима, на наш взгляд, и практика, согласно которой читателя отсылают к какой-нибудь публикации, в которой – если мы заглянем в нее в поисках более полной информации – мы найдем отсылку к работе еще одного автора. Иногда эта цепочка состоит из трех, четырех и даже пяти авторов и весьма далеко уводит от первоначального источника. Что это приводит к ошибочным утверждениям, я показал выше на примере документа 1501 г. (с. 28). На фоне такого рода ошибок и голословных утверждений совсем уж пустяком представляются противоречия в мнениях, высказываемых авторами. Так, на с. 240 они говорят, что большинство цыган в России имеет среднее образование, а спустя две страницы пишут о низком образовательном уровне цыган.

Разнообразных ошибок или небрежностей много. Непонятно, почему фамилия выдающегося историка, исследователя истории цыган, временами пишется как в оригинале (François de Vaux de Foletier), а временами – в русском написании. Авторы ссылаются временами на работу И. Даниловича, изданную в 1824 г. по-польски⁷, но и фамилию автора, и название книги дают по-русски (с. 213). Авторы многократно ссылаются на работу Е. Фицовского “The Gypsies

in Poland”. Невозможно понять, почему после названия книги появляется слово Yugoslavia. Это может вызвать впечатление, что работу издали в этой стране, хотя на титульной стороне написано “Interpress Warszawa”⁸. Случается и так, что авторы ссылаются на одну работу, а в ссылке мы находим другую (например, на с. 11 авторы ссылаются на Грелльманна, а в ссылке присутствуют Щербакова и Когальничан). Бедна также используемая литература, не хватает современных публикаций, да и старых, но важных для настоящего времени. Незнание литературы ведет к неправильным выводам, таким, какие не должны присутствовать в книге, изданной Академией наук. Если бы авторы просмотрели подшивки “Journal of the Gypsy lore Society”, “Etudes Tsiganes”, “Lacio Drom”, они не утверждали бы, что никто до них не обращался к обсуждаемой тематике. Они же часто ссылаются на уже устаревшие статьи XIX в. из популярных периодических изданий, на публикации из рубрики “Знаете ли Вы...” в региональном журнальчике “Rrom p-o drom”, которые не годятся в качестве источника в книге, претендующей на научность.

Резюмирую: рецензируемая книга разочаровывает, она полна ошибок, упрощений, сведений давно не актуальных, утверждений, вытекающих не из фактов, а из фантазии авторов. Россия была и остается страной, в которой живут разные группы цыган, где имеется довольно многочисленный по сравнению с другими странами слой цыганской интеллигенции. Но исследования прошлого цыган и их культуры представлены недостаточно. Число публикаций, посвященных цыганам, в последнее время в мире очень увеличилось – в том числе и таких, авторами которых являются сами цыгане. В России же ситуация иная. Цыгане интересуют прежде всего прессу (и то не самую лучшую) и телевидение. Научные работники уделяют им по-прежнему очень мало внимания. Жаль, что когда, наконец, появились благоприятные условия для публикации книги, не стесненной идеологией, авторы не использовали этой возможности. Хочу подчеркнуть, что мои замечания имеют целью исключительно улучшение качества публикаций о цыганах. Я желал бы, чтобы удалось подготовить второе издание обсуждаемой здесь книги, но издание исправленное, где не будет ошибок и небрежностей, а авторы углубят свои знания настолько, чтобы появилась стоящая публикация.

Примечания

¹ Марушиакова Е., Попов В. Циганите в България. София, 1993. С. 29.

² Mujić M.A. Položaj Cigana u jugoslovenskim zemljama pod osmanskom vlašću // Prilozi za orijentalnu I istoriju jugoslovenskih naroda pod turskom vladavinom. Sv. III–IV. Sarajevo, 1953; Vukanović T.P. Romi (Cigani) u Jugoslaviji. Vranje, 1983.

³ Fraser Angus, sir. The Gypsies. Oxford; Cambridge, 1995.

⁴ Ficowski J. Cyganie na polskich drogach. Kraków, 1985. S. 15.

⁵ Mróz L. Dzieje Cyganów-Romów w Rzeczypospolitej XV–XVIII. Warszawa, 2001. S. 19.

⁶ Rouart M.-F. Image du Tsigane a travers la literature romantique // Etudes Tsiganes. P., 1982. № 3. P. 19–38.

⁷ Daniłowicz I. O Cyganach wiadomość historyczna. Wilno, 1824.

⁸ Ficowski J. The Gypsies of Poland. Warszawa, 1989.

Л. Мруз

Перевод с польского Л.Н. Черенкова

© ЭО, 2004 г., № 4

“Спор славян между собою” об истории цыган: ответ рецензенту

Прежде чем вступить в дискуссию с глубокоуважаемым Лехом Мрузом, я хочу поблагодарить редакцию за возможность возразить оппоненту “по горячим следам”. Не скрою, узнав о рецензии, я ждал критики, которая позволит скорректировать неточности или ошибки. К сожалению, текст больше напоминал разгром: в монографии “История цыган – новый взгляд” польский цыгановед не увидел ни одного достоинства.

Не хотел бы выглядеть обиженным. Ведь теоретически возможно, что текст, выпущенный под грифом Института этнологии и антропологии (а также защищенный Н.Г. Деметер в качестве докторской диссертации под названием “Цыгане Европы: проблемы этнокультурной истории”), научно несостоятелен. Поэтому выскажу ряд возражений по существу. Написав девять десятых обсуждаемой монографии, я просто обязан первым выступить в ее защиту.